

Роза Ашимбетова

Речевые приемы дискредитации личности в российской прессе

Przegląd Wschodnioeuropejski 2, 435-452

2011

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

РОЗА АШИМБЕТОВА

Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова, Казахстан

РЕЧЕВЫЕ ПРИЕМЫ ДИСКРЕДИТАЦИИ ЛИЧНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ПРЕССЕ

Главной особенностью газетно-публицистического стиля речи во все времена остается принципиальная установка на воздействие. Как пишет О. С. Иссерс:

Феномен речевого воздействия связан с целевой установкой говорящего – субъекта речевого воздействия. Быть субъектом речевого воздействия – значит регулировать деятельность своего собеседника. При помощи речи побуждают партнера по коммуникации начать, изменить, закончить какую-либо деятельность, влияют на принятие им решений или на его представления о мире¹.

В функциональной стилистике воздействующую функцию газетно-публицистической речи отождествляли с формированием у читателя определенного эмоционального настроения, определенных убеждений, образцов политического поведения. При этом между автором и читателем предполагались координативные отношения, т.е. отношения равноправного сотрудничества. Поэтому во многих работах по теории публицистики есть рассуждения о диалоге автора и читателя, описан даже прием «интимизации изложения», суть которой – в воспроизведении в отдельных жанрах публицистики «разговора на равных» с читателем². В настоящее время такой подход к пониманию речевого воздействия признается узким.

При широком же подходе под речевым воздействием понимается осознание осуществляемый автором публицистического произведения процесс формирования у адресата не только определенного эмоционального настроения, но и направленный на манипуляцию его сознанием. В представлениях о мире адресата субъект речи желает внести новые знания, модифицировать уже имеющиеся, изменить его отношение

¹ О. С. Иссерс, *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*, Омск 1999, с. 109.

² Ю. А. Бельчиков, *Интимизация изложения*, «Русская речь» 1974, с. 38–43.

к каким-либо объектам и повлиять на его действия. Речевое воздействие в этом случае понимается как осуществление власти, господства. А язык, обладающий определенными ресурсами для этих целей, рассматривается как инструмент власти.

Такое понимание речевого воздействия распространено в работах западных лингвистов. С появлением новых реалий в СМИ стран СНГ подобный подход начал развиваться и в работах российских лингвистов³. Именно поэтому языковеды, психологи, политтехнологи, психолингвисты в своей профессиональной деятельности оперируют понятиями и терминами «планирование речевого поведения», «речевые стратегии». Вот как, например, журналист О. Герасименко описывает теледебаты кандидатов в депутаты Госдумы РФ:

Перед теледебатами с политиками работают профессионалы. Перво-наперво они обучают своих клиентов, как найти у оппонента «ядерную кнопку» – то есть тему, которая выводит его из себя. Например, Явлинский рассчитывал, что такой кнопкой станет обвинение Чубайса во лжи. Но он ошибся, а сменить тактику не смог. Жириновский хотел «взорвать» Немцова обвинениями в непрофессионализме. И это тоже не удалось... (КП. 3.12.99)

Термин «стратегия» заимствован языковедами из военной науки, где под ним понимается искусство ведения крупных военных операций и войны в целом. В переносном значении, по данным толковых словарей, стратегией считают искусство руководства общественной, политической борьбой. Понятие стратегии обязательно включает гипотезу относительно будущей ситуации. Говоря о речевых стратегиях, подразумевают то, что речь как вид деятельности обязательно имеет цель и мотив, то есть то, ради чего достигается цель, что направляет и побуждает речь.

Речевая стратегия – это запланированный комплекс речевых действий, направленных на достижение определенной коммуникативной цели, на реализацию этого плана. «Конечной целью любой речевой стратегии, – подчеркивает Иссерс, – является коррекция модели мира адресата»⁴.

Ясно, что достичь своих целей можно разными способами, т.е. говорящий или пишущий обычно находится в ситуации необходимости выбора содержательных, стилистических, риторических аспектов своих речевых действий. Для именованья последних часто используется термин

³ А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич, *Парламентские дебаты: традиции и новации*, „Новое в жизни, науке и технике“ 1999, nr 10, с. 37–42.

⁴ О. С. Иссерс, *op. cit.*, с. 109.

«речевая тактика». Речевая тактика – это одно или несколько речевых действий, приемов, которые способствуют реализации стратегии.

Таким образом, между понятиями стратегии и тактики в языкознании существуют родовидовые отношения.

Из анализа исследований по языкознанию, в которых прямо или косвенно затрагивается проблема дискредитации власти, идеи или личности можно сделать вывод, что цель действий, обозначенных глаголом «дискредитировать», – вызвать сомнение в положительных качествах кого-либо или чего-либо путём оскорбления, издевки, насмешки (обычно язвительной, злой), нанесения обиды. Все эти действия объединяет общий содержательный элемент – информирование об отрицательной оценке явления. Причём эти действия обязательно должны быть публичными и рассчитанными на реакцию наблюдателей. Намерение дискредитировать осуществляется не только с помощью речи. Оно может быть реализовано с помощью действий против кого-либо, сигнализирующих о недоверии. Так, известный разведчик советского периода М. П. Любимов в интервью газете «Совершенно секретно» сообщает:

Англию мы обычно использовали для дискредитации советских лидеров: например, туда в своё время был командирован бывший шеф КНБ Александр Шелепин, соперник Брежнева, которого с нашей помощью встретили мощные антисоветские демонстрации, что, естественно настолько подорвало его позиции, что вскоре он был вычищен из Политбюро...

Подрыву доверия способствует обнародование негативных фактов или мнений о ком-либо или о чем-либо. Дискредитирующий смысл несет в себе статья в газете «Комсомольская правда»:

То, что мало кто из думцев живёт на официальную зарплату – 12 тысяч рублей в месяц, – уже давно не секрет. По Думе даже гуляют расценки: рядовому депутату – члену проправительственных фракций якобы ежемесячно вручают конвертик с двумя тысячами «зелёных», зам председателю комитета – 3–3,5 тысячи. Председателям комитетов, а также самым узнаваемым депутатам – «брэндам» фракций как будто перепадает (страшно сказать!) по 5 тысяч у.е. ежемесячно. А ещё, говорят, что из-за злополучных конвертиков с валютой не так давно приключился грандиозный конфуз: «получку» в пять тысяч долларов, предназначавшуюся Александре Буратаевой, по жуткой случайности вручили коллеге – председателю думской комиссии по этике Галине Стрельченко. А та, на беду, была оценена спонсорами всего в две тысячи долларов США...» (14.06.02)

Дискредитирующее содержание могут иметь видеоряды, фотографии, записи телефонных разговоров, маски и т.д. Достаточно вспомнить хотя бы истории с отстранением от должности Генерального прокурора РФ Ю. Скуратова, телепрограмму В. Шендеровича «Куклы» и т.д.

Все эти способы дискредитации американский лингвист Ларсен образно назвал «игрой на понижение». В их числе – и соответствующие речевые действия. Б. Н. Ельцин в своей последней книге писал:

Летом 1999 года началась кампания дискредитации меня и моей семьи, серия проплаченных публикаций в нашей, а потом и в зарубежной прессе, причём именно в той прессе, которая многие годы была «каналом слива информации для КГБ».

В другой части книги, рассказывая об отношении одного из премьер-министров к критическим публикациям в прессе, Ельцин приводил такой диалог с Е. М. Примаковым:

– Евгений Максимович, я уже давно к этому привык... Обо мне каждый день пишут уже много лет, и знаете, в каких тонах? И что же, газеты закрывать?

– Нет, но вы почитайте, Борис Николаевич, это же полная дискредитации нашей политики⁵.

Не имея своей целью обсуждать идеологические проблемы или детально анализировать сведения о политической ориентации тех или газет, мы представляем в данной статье результаты наблюдений над речевыми приёмами дискредитации личности в российской прессе. Установлены следующие типичные приемы (тактики) осуществления коммуникативного намерения субъекта речи.

1. Интерпретация чужих речевых актов как речевой приём дискредитации личности

Значительный массив чужих текстов в последние годы стал яркой чертой самых различных жанров периодических изданий вплоть до информационных. Это явление в специальной литературе называют «экспансией чужой речи», «монтажом своего и чужого», «диалогической

⁵ Б. Ельцин, *Президентский марафон: Размышления, воспоминания, впечатления*, Москва 2000.

цитацией», «метатекстовой, метаречевой рефлексией» и т.д. Появились новые рубрики и жанры, чаще всего на информационных страницах газет: «Люди, которые нас удивили», «Цитата недели», «Лаборатория слуха». «Рейтинг слухов», «Так и сказал!», «Сказано!», «Жизнеспособность политсубъектов», «Гу-Гу» и др.; телепередачи «Куклы», «Итого», «Однако», «Политкомикс».

Иногда чужая речь подаётся в газете без интерпретации. Как правило, такая репродуцируемая речь принадлежит лицам, чья точка зрения совпадает с позицией газеты и её отдельных авторов. Чаще же всего речевое поведение автора речи интерпретируется, т.е. подвергается субъективной оценке. «Чужие слова, введенные в нашу речь, – справедливо отмечает М. М. Бахтин⁶, – неизбежно принимают на себя новое, наше понимание и нашу оценку, т.е. становятся, двухголосными». Оценка чужого высказывания в газетах осуществляется, как правило, с этических позиций, и журналист, воспроизводящий чужую речь, обычно придаёт её автору (известному политику, государственному деятелю, чиновнику, артисту, коллеге-журналисту и т.д.) роль ниже той, на которую последний претендует. В результате подобного взаимодействия возникают речевые акты, которые в лингвистической прагматике и называют интерпретирующими. Это «высказывания, выражающие понимание (интерпретацию) пропозиционального содержания предшествующей реплики собеседника⁷». Какие же аспекты чужого высказывания чаще всего становятся объектом этических оценок?

Во-первых, это истинность-ложность высказанного:

Лидер КПРФ доложил о яркой победе коммунистов: «За прошедший год в ряды партии вступило около 10 тыс. студентов». Однако анализ КП (номер за 13/1) показал: цифра преувеличена в 10 (десять!) раз! Чаш эксперт В. Маяковский в сердцах внёс поправку в свой «Разговор с товарищем Лениным»: «Валим, товарищ, сердцем и именем думаем, дышим, боремся и вре́м». (КП. 19.01.01)

Лидер коммунистов с удивительным лиризмом дебютировал на поэтической ниве: «Народ предлагает такой лозунг: «Мир, май, труд олигархов перетрут!» Знаем мы этот народ, Геннадий Андреевич, не скромничайте. А не замахнуться ли вам на лозунг «Честь, совесть, ум – по олигархам бум-бум!» (КП. 4.05.01)

⁶ М. М. Бахтин, *Эстетика словесного творчества*, Москва 1986, с. 261.

⁷ И. М. Кобозева, Н. И. Лауфер, *Интерпретирующие речевые акты*, в: *Язык речевых действий*, Москва 1994, с. 65.

Посол России назвал «глупостью» сообщение журнала «Форбс» о своём состоянии в миллиард долларов: «Несколько лет назад писали, что у меня пять миллиардов долларов, куда же делись почти четыре? Кто их свистнул?» Зря, Виктор Степаныч, свистите: и этих денег не будет. (КП. 29.06.00)

Последний независимый тележурналист России, с поразительной принципиальностью огласивший детали своих личных разговоров с президентом, лишь в одном покривил душой: Я, мол, не подчиняюсь никаким командам, кроме команды телезрителей. А как же команда «Фас!»? (КП. 15.09.00)

Старший помощник Главного военного прокурора заявил, что столкновение с подлодкой «Курск» совершили должностные лица, управлявшие «неустановленным морским транспортом». Эти лица (тоже неустановленные) руководствовались неустановленными целями. И это отягчает их неустановленную вину, доказанную прокуратурой с неустановленной помощью неустановленных улик. (КП. 15.09.00)

Министр труда бодро отрапортовал президенту: «Общая безработица в России сократилась! А рабочих мест стало на 1,7 миллиона больше!» Ещё сильнее обрадовал Госкомстат: оказывается, в разгар июльских отпусков производство в стране скакнуло вверх аж на 7,8 процента... Жить стало лучше, веселее – спасенья нету от еля! (КП. 25.08.02)

Начальник владивостокского ГИБДД на глазах у телезрителей обезвредивший кулаком пикетчицу, оправдан прокуратурой: «Движение Лысенко носило защитный характер..., контакта кулака с лицами не было. Естественно, уголовное дело будет возбуждено против особо опасной пикетчицы. Полковник будет представлен к ордену Мужества». (КП. 25.08.02)

Аккурат за три дня до расстрела боевиками очередной колонны федералов начальник Генштаба провозгласил стратегическую победу в Чечне: «Конституционный порядок там уже есть!» Свобода печати (гербовой), свобода собраний (офицерских), свобода слова (генеральского)... (КП. 7.09.02)

Как видно из приведенных примеров, известные должностные лица государства – лидеры партий, министры, дипломаты, военачальники, от деятельности которых зависят судьбы народа и страны, становятся объектом негативной оценки прессы. Чаще всего комментарий речи дискредитируемого лица преподносится в виде реплики из диалога с ним («не скромничайте», «не бойтесь») или с воображаемым адресатом.

Причем в первом случае обращение к личности носит фамильярный характер. В качестве языковых средств, маркирующих ложь, журналистами избираются крылатые выражения и речевые стереотипы в трансформированном виде, вставные конструкции, окказиональный (индивидуально-авторский) повтор с акцентированием слова, искаженно отражающего действие; активно используется лексика как средство создания сарказма («полковник, кулаком обезвредивший пикетчицу»); создаются каламбуры, в которых авторы «играют» значениями многозначного слова («свистнуть» – «издать свист»; «свиснуть» – «украсть», «свистнуть» – «солгать»). В этом случае речевые действия получают прямую оценку журналиста: «врёт», «свистите», «елей», чего никак не может желать говорящий, ибо

в ситуации разоблаченной лжи (особенно – публично) возникает очень опасное для говорящего положение, связанное с полной потерей авторитета в глазах не только того человека, который разоблачил его во лжи, но и в глазах всех присутствовавших при разоблачении⁸.

Не случайно постоянная дезинформация о положении дел в Чечне со стороны отдельных представителей высшего командного состава российской армии и МВД – Трошева, Квашнина, Рушайло породила соответствующее к ним отношение. Например, очередное сообщение, прозвучавшее из уст Трошева, помещено в газете под заголовком «Басаев убит в 101 раз!» КП. Об этом же можно судить и по журналистской оценке слов генерала Павлова: «Герой Советского Союза и «Батя» всех российских вертолетчиков, отстранённый от должности после катастрофы МИ-26, дал честное и мужественное интервью «Комсомолке»... Не оправдывался, не юлил, сказал: «Я этот крест понесу до конца ...«Удивительные для нынешних генералов слова! КП. 6.09.02.

Уже в названии статьи «Басаев убит в 101 раз!» подчеркивается твердая убежденность журналиста в неискренности, лживости слов героя, как бы «навязывает» сему о причастности его к преступному деянию.

Во-вторых, используя чужую речь, журналисты негативно оценивают личностные и поведенческие качества цитируемых авторов – такие, как:

– льстивость и подхалимаж, т.е. лакействующие похвалы в чей-либо адрес (обычно в адрес вышестоящего руководителя) с корыстной целью:

Генпрокурор России допустил вопиющую бестактность на прокурорском совещании в Кремле: мы, дескать, получили возможность работать в комфортных условиях... благодаря Владимиру Владимировичу Путину. Да

⁸ О. С. Иссерс, *op. cit.*, с. 32.

при чем тут работа?! Просто ходить по коврам, по которым ступал Владимир Владимирович, просто вдыхать ускользящий аромат президентского одеклона... (КП. 19.01.01)

Краснодарский губернатор с треском провалил тест на лояльность российскому президенту, который побывал на альпийских склонах: «Учитесь на лыжах кататься. Я сам 17 раз падал!» А ведь для реформатора, как известно, минимальный предел – 48 раз (на глазах у ВВП) с обязательными закрытыми переломами и частичной потерей разума. (КП. 23.02.01)

– ложный пафос, т.е. внешнее воодушевление, производящее впечатление фальши, часто свидетельствующее о малообразованности, низком интеллектуальном уровне, непрофессиональных действиях или вообще о непрофессионализме личности:

Министр труда и соцразвития предложил удивительно радикальную программу борьбы с бедностью: «В стране 31 миллион человек с доходами ниже прожиточного минимума. Надо довести это число до 17 миллионов, и тогда мы реально сможем оказывать им социальную помощь». Заманчивая идея, но где механизмы реализации? Может дустом? (КП. 23.02.01)

Наместник президента на Кавказе сделал удивительно своевременное заявление о перспективах региона: «Я надеюсь, придут времена, когда в Чечню потоком хлынут туристы. Мы все соберемся где-то в горах и накроем большой дастархан...» В программу включены сафари на мобильных ракетных установках «Тополь-М», игра в «казаки-заложенники» и бег в мешках с открученной головой (КП. 26.06.00)

Мэр Владивостока удивительно однобоко среагировал на сильнейший снегопад: «Знаете, о чем я мечтаю? Чтобы у каждого горожанина было дома по совковой лопате. Как во всем цивилизованном мире». А как же подборочная лопата с изогнутой ручкой, механическая лопата (для экскаватора), железная лопата (т.н. заступ)? Почему в эпоху выдающихся орудий цивилизованного мира победу празднует совок? (КП. 22.12.00)

Тренер российской сборной, позорно сдавшейся американцам, швейцарцам, латышам и белорусам, с удивительным оптимизмом пообещал: «...зато в игре со шведами мы хлопнем дверью...» Как в лужу хлопнул: (КП. 12.05.00)

В качестве средств негативной оценки, кроме традиционной в этих случаях лексики в ироническом употреблении («Может, дустом?»), используются окказиональные градационные ряды, развернутые

метафоры, возникшие в результате трансформации речевых стереотипов и др. К этим же средствам принадлежит и жаргонизм «совоку», который относят к группе т.н. «ключевых слов текущего момента», т.е. слов, обозначающих понятия и явления, находящиеся в фокусе социального внимания⁹, и по причине частотности употребления называют «гипержаргонизмом». Он дает презрительно уничижительную оценку сознанию, изуродованному советской действительностью. Здесь используется и стилистическая фигура аллюзии, основное содержание которой – сделать намек о чем-либо, опираясь на известные факты или чьи-либо высказывания.

В-третьих, при интерпретации чужих речевых актов предметом этической оценки может быть сама речь. Хотя современный период отмечен чрезвычайно высоким уровнем агрессивности речи, ее огрубением и в целом низкой речевой культурой населения, существует и множество примеров образцовой речи. Положение в обществе обязывает публичных людей непременно обращать внимание на собственную речь, стремиться к ее образцовости. Однако предметом внимания, как языковедов, журналистов, так и вообще грамотных носителей языка оказываются многочисленные случаи низкого уровня коммуникативной компетентности личностей. Один из информационных материалов КП называется «Депутаты Гасдумы». В нем пишут:

Во вторник правительство РФ решило срочно рассмотреть законопроект «О русском языке...», в котором «за неправильное использование великого и могучего предусмотрены штрафы. Увы, закон вряд ли утвердят в Госдуме, где очень нервно восприняли инициативу грамотеев: «Они нас разорить хотят?!» (КП. 5.04.02)

Вот лишь немногие из оценок речевых умений бывшего премьер-министра России, а ныне посла России на Украине В. С. Черномырдина – неизменного фигуранта пародийных текстов: «великий новорусский афорист», «почетный доктор лингвистики» (КП. 4.02.00), «опытный переговорщик» (АиФ. 10.03.02). Высказывания Черномырдина «Хотелось как лучше, а вышло как всегда», «Если у кого руки чешутся, чешите в другом месте», многократно воспроизводятся:

Грядущее назначение легендарного российского политика послом на Украине вызвало массу язвительных комментариев у любителей почесать языком: «У кого чухается – чухайте в іншому місці, – різко среагував ЧВС. – Куди послали, туди і посол!» (КП. 18.05.01)

⁹ Е. П. Прохоров, *Искусство публицистики: размышления и разборы*. Москва 1984, с. 92.

Бывший премьер напустил еще большего тумана в разгорающемся скандале вокруг Гора –Черномырдина: «Тут много стало таких желающих что-то возбудить. Проснулись, возбудились...» Однако ЧВС не ответил на главный вопрос: желающие хотят почесать в возбужденном месте? Или в другом? (КП. 3.11.00)

По журналистской интерпретации сказанного Черномырдиным ясно, что главное, в чем его «обвиняют», – отсутствие важнейших качеств хорошей речи – ясности и логичности в изложении мыслей:

Ўкс-премьер образно оценил новую книгу Б. Ельцина: «Кадровые ошибки влекут результат не то, чтобы не тот, а прямо противоположный. Это и нас, и страну продвигает не вперед, а совсем наоборот – назад. Вот он это образно и показал. Не то, чтобы образно, а на других людях... Ну, где еще, кроме «Комсомолки», найдешь такое образное... (КП. 27.10.00)

«Переговорный процесс – это вообще процесс такой... непредсказуемый...». Особенно если в нем участвует такой опытный переговорщик, как вы. До какой еще столицы доведет вас лингвистический гений, можно только гадать... (АиФ. 10.03.02)

Российский посол на Украине в эфире « Маяка» сделал удивительно спорное заявление: «Лучшей водки – хуже нет!» И тут же невероятным образом выкрутился: «Это означает, что чем лучше водка, тем хуже для нас...» Логика! Вот что значит после первой (фразы) не закусывать! (КП. 14.06.02)

Резко отрицательно оценивается пренебрежение этическими нормами речи, ее грубость, связанные с употреблением грубо-просторечных слез и выражений, которые раньше имели очень ограниченные рамки употребления (например, обозначающих физиологические отправления), жаргонизмов и даже обценной (матерной) лексики: «непечатное» слово стало печатным¹⁰»). Эти особенности речи свойственны представителям шоу-бизнеса, некоторым писателям, государственным чиновникам, депутатам, политикам, военачальникам:

Губернатор Лебедь на днях сказал-таки весомое слово в языкознании. И даже не одно! Во время совещания, предметом которого был спор между красноярским губернатором и начальником местного угольного разреза, Лебедь в открытую в присутствии четырех телекамер

¹⁰ Е. А. Земская (ред.), *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*, Москва 2000, с. 385.

и собственных заместителей, многократно покрыв угольного начальника по матушке и послал его по нескольким широко известным в народе адресам. В телетрансляции в этих самых местах ханжески звучало: «пи-пи-пи...» А, собственно, чего стыдиться? Какой-то угольный разрез... (Изв. 22.01.99)

Лидер партии «Единство», также известный как «Медведь», Сергей Шойгу, сильно раздосадованный на перебежчиков, заявил на днях (дословно): «Некоторые наши коллеги... оделись в наши одежды и ведут себя, извините, как дорожные проститутки. Кто заплатит, с тем и поехали». Впереди – холодная зима, медведи и другая партийная зверушка ищут укрытия. Кто же виноват, что вожак стаи Шойгу не дал «медведям» жирку нагулять? Тут куда угодно убежишь – хоть в шапуну, хоть шкурой торговать... (Собеседник)

Чувствуется, что в этом случае журналисты стремятся особенно резко дистанцироваться от авторов таких речей, и этому служит особое средство; в форме несобственно прямой речи создается гипотетическая речь, которая и приписывается говорящему:

Российские законодатели приступили к обсуждению законопроекта о применении санкций против злостных матерщинников. В прениях выступили депутат Ж. («поддерживаю закон однозначно, б...»), депутат Ч. («хочем, на х..., как лучше...») и депутат-коммунист из рабочих Ш. («я за, б..., потому что... в...на...к...»). (КП. 29.06.01)

Наконец, «впечатление от речи (и соответственно ее носителя) может быть непоправимо испорчено нарушением в ней литературных норм¹¹», и это тоже дискредитирует человека, пытающегося говорить публично:

Председатель правительства Республики Хакасия [А. Лебедь], награждавший премиями российских журналистов, удивительно просклонял свои чувства: «Я благодарен для всех за доставленное удовольствие!» А как журналисты были благодарны... кому-чему... ко-го-чего... о ком-о чем... для президента. (КП. 2.02.01)

Страстный почитатель Бернса и Пушкина в интервью «Комсомолке» по случаю «Валентинова дня» с удивительной поэтичностью вспомнил время туманной юности: «Я был тогда красивый, на меня все бабы глаз ложили». А уж как он сам, озорник, клал на них глаз! Как клал!!! (КП. 16.02.01)

¹¹ А. К. Михальская, *Основы риторики. Мысль и слово*, Москва 1986, с. 253.

Таким образом, чужая речь, выраженная прямым и косвенным способами, может создавать «контекст самокомпрометации»¹² даже будучи представленной в прессе без журналистских комментариев. Если же она подвергается интерпретации, имитируется диалог, «осуществляемый в условиях пространственно-временной разделенности собеседников»¹³, создаются в том числе и условия для негативной оценки речи.

2. Прием использования отрицательной характеристики личности аксиологическими высказываниями

Приведенный ниже пример взят из газеты «Московский комсомолец» и характеризует одну из ключевых фигур российского правительства тех лет – М. Лесина:

«Cui prodest?» С древнеримского это переводится так: «Кому выгодно?» В том смысле, считали латиняне, что в случае убийства необходимо понять, кому оно выгодно, и тогда можно отыскать убийцу. Это я вовсе не к тому, чтобы бросить тень на столь уважаемого и безупречного человека, коим, конечно же, является министр Лесин. Почему является? По определению. И пусть даже не по определению суда, – презумпцию невиновности я очень даже чтю. Но хоть вопрос-то задать можно? Ну, например, была ли выгодна смерть Влада Листьева тогдашнему главе «Видео Интернэшнл» Михаилу Лесину... (МК)

Коммуникативная задача автора данного текста очевидна – оскорбительно охарактеризовать известного госчиновника, и она, конечно, достигнута. Во-первых, благодаря сформулированной в начале М. Дейчем загадке-вопросу. У читателя он должен создать иллюзию совместного с автором вывода. Во-вторых, в вопросно-ответной структуре, в которой автор высказывает свое мнение: «Почему является? По определению...» В-третьих, в ироническом использовании лексики: «столь уважаемый и безупречный человек».

Оскорбляя, унижая, осмеивая личность, говорящий рассчитывает на то, что его представления о данной личности и представления некоего гипотетического адресата (читателя) не совпадают и их необходимо корректировать. Для этого в газетах используются две разновидности

¹² Л. К. Граудина, Е. Н. Ширяев, *Культура русской речи*, Москва 1998, с. 262.

¹³ Е. В. Какорина, *Стилистически облик оппозиционной прессы*, в: *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*. Под ред. Е. А. Земской, Москва 2000, с. 410.

оценки личности: 1) непосредственная (прямая) отрицательная оценка личности; 2) отрицательная оценка личности через намек (косвенная).

Всем хорошо известны прямые оценки А. Собчака («крестный отец Петербурга»), А. Чубайса («прихватизатор»), Б. Немцова («мальчишка») и др.¹⁴

В случае прямой оценки автор газетной публикации, имея целью оскорбить личность, умалить ее авторитет, непосредственно выражает свое и печатного органа негативное отношение к ней:

На наших с вами изумленных глазах известный киллер, не брезгающий в методах дискредитации своих политических оппонентов ничем, вплоть до показа «примаковских» тазобедренных суставов, волшебным образом превратился в мученика (КП. 20.04.01)

Независимость не главное условие для развития. И либерализация рынка не главное. А мы поверили... Один умный человек оказался – Сапармурат Ниязов. Он сказал: зачем моим людям ваш рынок, если они не знают, что это такое, и на верблюдах ездят. Правда, Туркменбаши золотых статуй в республике наставил, но ничего, пусть пока постоят (ТР. 29.05.02)

В случае непрямой (опосредованной) оценки автор, имея те же коммуникативные намерения, приводит либо фактологическую информацию как основание для оценки, либо неподтвержденное журналистом мнение какого-либо третьего лица, либо слухи:

На момент подписания номера мы владеем не совсем подтверждёнными данными, что и.о. начальника Генштаба будет назначен Виктор Чечеватов. Когда он командовал Киевским военным округом, ходило много слухов, связанных с продажей иномарок. На Дальнем Востоке – опять же по слухам – при Чечеватом были закуплены для питания солдат собачьи консервы. Сын генерала, слушатель военной академии, устроил в Москве пальбу из пистолета, подаренного отцу Павлом Грачевым (КП. 23.05.97)

В оскорбительных оценочных высказываниях обоих типов обычно прослеживается умаление

– профессиональных возможностей оппонента:

При Терещенко существовала установленная законодательством процедура, которая требовала обязательного визирования проекта правительственного решения в ряде министерств и ведомств. Однако

¹⁴ А. Н. Баранов. Ю. Н. Караулов, *Словарь русских политических метафор*, Москва, 1994.

в большинстве случаев премьер-министр подписывал соответствующие постановления без наличия необходимых согласований. Я много раз говорил ему об этом, он всегда обещал, что в следующий раз все будет «по-правильному», но снова отступался... (Вр. 22.08.02)

– интеллектуальных качеств:

23 октября лидер СПС Борис Немцов едва не оказался на белорусских нарах... Не успели. КГБ публично объявил, что российские политики везли 50 тыс. долларов для финансирования белорусской оппозиции и представляют угрозу национальной безопасности страны. – Всё это полная шизофрения!- заявил КН Борис Немцов. – Лукашенко во всей красе показал, кто он на самом деле (КП. 22.10.02)

– нравственного уровня:

Бывший главный финансист Минобороны РФ [Г. Олейник] получил 3 (три) года колонии общего режима за сгинувшие где-то в степях Украины 450 миллионов (450 000 000) долларов. По дню отсидки на каждые 400 тысяч стыренных баксов. Да за такие бабки, генерал, и чести офицерской не жалко, и малость посидеть не грех! (КП. 11.05.02)

– иногда даже физических возможностей:

Родионова «вытянул» Лебедь. Он назвал Игоря Родионова элитным генералом и оказал ему протекцию перед президентом. До этого Родионов, по словам знающих его людей, готовился к уходу на пенсию... увлекся баней и дачей... (КП. 23.05.97)

Наиболее традиционным средством создания негативных аксиологических высказываний, как уже отмечалось, является сниженная лексика (спекся, стыренных). Однако желание автора создать необходимые причинно-следственные связи, ассоциации и, в конечном счете, подсказать, навязать определенный вывод читателю порождает стремление перенести особенности одной жизненной сферы на другую. Так рождаются в языке ключевые метафоры текущего момента. Чаще всего они являются развернутыми; обычно характеризую политику и деятельность высших сфер государства, они создают образы, которые становятся образами эпохи:

– образ театра, игры:

В Киргизии трещат кресла: отправлено в отставку правительство, уволены многие руководители. Оппозиция победила? Не стоит торопиться с выводами. В маленькой стране, охваченной кризисом: – политическим,

социальным и экономическим, прочно стоит улыбающийся человек с хитрыми глазами. И себя в обиду он не даст, скорее пожертвует преданными министрами. Одних марионеток всегда можно заменить другими... (Кар. 24.05.02)

– образ субъекта (вершителя) власти как хозяина, царя, хана и т.д.:

Мятежники требовали среди прочего – отставки президента. Первые дни власть мирилась с пикетами. Вернее, вынуждена была мириться: в Киргизии гостили западные политики. Но на пятый день бунтовщикам решили показать, кто же всё-таки в доме хозяин. (Кар. 24.05.02)

– образ криминального мира:

Что поражает больше всего в зачуханном Южно-Курильске? Поражает количество и разнообразие японских джипов, коих тут наверняка больше, чем на Садовом кольце в час пик. На «крузаках» и «паджериках» ездят все здешние VIPы – от мэра до начальника пограничного оперативного отдела. Во всем блеске этот автомобильный парад – салон я наблюдал возле южно-курильского Дома дружбы, где кунаширские олигархи собрались на главную «стрелку» года. Выйдя из заляпанных грязью лимузинов, крепкие мужчины здоровались друг с другом, группировались по трое-четверо, что-то обсуждали вполголоса. Зрителям телесериала про ментов это могло показаться бандитской сходкой (КП. 28.07.02)

В последнем случае, кроме метафор, которые формируются уголовной жаргонной лексикой, активно используется и слова тематических групп, обозначающих некий набор (стандартный в сознании массовой аудитории) несправедно нажитых богатств: особняков, автомобилей, денежных средств.

Їсобняк татарского представительства на Котельнической набережной, оборудованный электронными средствами слежения, очень хорош и внутри, и снаружи, и снаружи. И до Кремля недалеко. Во дворе скромно стоит роскошный БМВ седьмой серии. Как объяснил замполпреда М.Столяров, здесь все сделано для того, чтобы президент и его замы чувствовали себя как дома и не тратились на такси и гостиницу (КП. 23.10.02)

Михаил Юрьевич – человек не бедный. Оно конечно: некрасиво считать деньги в чужом кармане. Даже если этот карман принадлежит министру – лицу сузубо государственному, получающему от нас с вами, граждане, оклад жалованья. Ладно, деньги считать не будем. Собьемся. Взглянем на личный автопарк г-на Лесина: 7 автомобилей. Их приобрел еще до того, как стал членом правительства. Но в июне прошлого года Лесин становится министром печати, а уже в августе он покупает (один за

одним, с разницей в пять дней) два новых «Мерседеса». Ну нравятся человеку джипы. Бывает. Хобби у него такое. Замечу только, что два приобретенных министром джипа стоят не менее 85 тысяч долларов. Каждый (МК. 12.10.00)

Профессиональные и деловые качества личности, ее карьерные притязания умяляются путем акцентирования сведений о ее возрасте или незрелости – иногда несмотря на возраст (метафорические образы «мальша», «мальчишки» и под.):

Я знал Терещенко, когда он работал еще на областном уровне. Когда он стал премьер-министром, была надежда, что он сможет мыслить шире – масштабно, по-государственному. К великому сожалению, он как был помощником президента, так и не вырос из этих «коротких штанишек (Время)

Оценочность высказываниям придает и своеобразное использование в них имен собственных. Имя лица, лишённое значения, получает в этих случаях своеобразную смысловую нагрузку (семантику), в связи с чем языковеды говорят о «семантизации имени собственного»: оно часто даже функционирует как самостоятельное высказывание. Этот очень распространенный прием сниженного пародирования, обыгрывания имен – не случайное нарушение речевого этикета (строгого регламентированного в данной сфере), а сознательное следование принципам антиэтикета.

Генпрокуратура РФ предъявила олигарху обвинение мошенничестве. В то же время сам Борис Абрамович, который объявлен в федеральный розыск, по его словам, частый гость в Москве... Но ведь БАБ действительно мог проявить смекалку и пойти по пути Троцкого или Керенского. Он мог бы попасть в Россию на поезде Душанбе – Москва под видом торговца дынями. Мог прибыть на гастроли в составе цыганского табора на лошадях и повозках (КП. 24.10.02)

С помощью стилистической фигуры аллюзии в прессе создаются целые аксиологические тексты. Аллюзия соотносит содержание текста с прецедентным фактом – историческим или литературным.

Бизнес чаще всего – грязная штука. Грязная и противная. Но – «деньги не пахнут». Так высказался древнеримский император Веспасиан: это когда он объявил о своем решении обложить древних римлян данью за пользование канализацией.

Вопрос: Почему РТР покупала сериал у американцев не на прямую, а через того же Лесина.

Ответ: а как же в таком случае Михаил Юрьевич бы денежку наколбасил? Ту самую, которая не пахнет? (МК)

В русскоязычной прессе отмечены и случаи формирования аксиологических текстов, синтаксической доминантой которых являются неопределенно-личные предложения – но лишь в той их разновидности, которая специализируется на обозначении действий различного рода властей. В этих предложениях обнаруживается русский ментальный стереотип: отношение народа к власти как к силе – сторонней, всемогущей, подавляющей и обычно не желающей заботиться о людях. И хотя в них нет подлежащих, как правило, субъекты действий – конкретные ветви или лица власти – ясны читателю благодаря его социальному опыту (фоновым знаниям) или названы в тексте самой газетной публикации.

Таким образом, использование аксиологических высказываний, содержащих негативную оценку, является одним из приемов реализации речевой стратегии дискредитации личности. Средствами языка, которые функционируют в подобных высказываниях, являются метафоры, многие из которых отражают социальное устройство современной эпохи, семантизированные собственные имена, новообразования – продукты окказионального словопроизводства, стилистические фигуры аллюзии и антитезы, неопределенно-личные конструкции, коммуникативная специфика которых – сообщения о действиях разного рода властей. Все эти средства «сопровождаются» и употреблением сниженной оценочной лексики, в том числе жаргонной.

Описанные нами особенности употребления языка в публицистике в большей степени обусловлены социальными факторами. Используемые в газетах приемы и средства, с помощью которых журналисты пытаются дискредитировать личность, – то языковые корреляты смысловой категории чуждости, о которой писал А. Б. Пеньковский¹⁵, потому что членение окружающего мира (универсума) на два мира – «свой» и «чужой», как доказывают многие гуманитарные науки, отражается с глубиной древности и в мифологии, и в искусстве, и в литературе, и в языке. «Свое» и «чужое» оценивается как «хорошее» и «плохое», то есть то, что относится к «чужому» миру, подвергается резко отрицательной оценке.

¹⁵ А. Б. Пеньковский, *О семантической категории «чуждости» в русском языке* [в:] *Проблемы структурной лингвистики*, под ред. В. П. Григорьева, Москва 1989, с. 54–83.

Конечно, при этом важно, чтобы в попытках дискредитировать личность журналист следовал нормам профессиональной этики, потому что все еще не редкость случаи журналистских мистификаций, неточностей, искажения фактов и высказываний людей.

Speech Technique of Personal Discredit in Russian Printed Media

The main feature of journalistic style of speech is the guideline of principle on the impact which is realized through verbal strategies of journalists. Researchers of language in their professional activities operate concepts and terms planning verbal behavior, speech strategies. The aim of using such actions is to correct picture of the world of recipient. The author discloses different ways and methods of person discrediting in the Russian press which was actively used for last 10–15 years. Described in the work features of language used in journalism are increasingly determined by social factors, which expanded their activities in the former Soviet Union.